

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Ю.П. Зарецкий

**ЗАЧЕМ ПИСАТЬ ЭТО?
(Послание римского папы
турецкому султану)**

Препринт WP6/2006/07

Серия WP6

Гуманитарные исследования ИГИТИ

Москва
ГУ ВШЭ
2006

УДК 930.85
ББК 63.3
3 34

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования ИГИТИ»
И.М. Савельева

Зарецкий Ю.П. Зачем писать это? (Послание римского папы турецкому султану).
3 34 Препринт WP6/2006/07. — М.: ГУ ВШЭ, 2006. — 28 с.

В 1461 г. папа римский Пий II (1458–1464) написал письмо турецкому султану Мехмеду II (1451–1481). В этом письме Пий убеждал Мехмеда принять христианство, следуя примеру Константина Великого. Письмо интерпретировалось историками по-разному. Большинство рассматривало его как пример политической наивности Пия. В данной статье приводятся доводы в пользу того, что письмо может быть интерпретировано иначе, а именно как пример ренессансного «формирования Я». С этой точки зрения его следует рассматривать не как политический документ, а как эпистолу итальянского гуманиста. Такой подход подразумевает, что оно было направлено в первую очередь на демонстрацию потомкам некоторых личных качеств автора, прежде всего красноречия. В статье также затрагиваются и два более общих вопроса. Может ли мысль о различиях между сознанием современного европейца и так называемых «аборигенов», недавно выдвинутая на первый план в культурной антропологии, также применяться в изучении европейского Ренессанса? В состоянии ли историки создать убедительную реконструкцию мотивов человеческих поступков?

УДК 930.85
ББК 63.3

Zaretsky Y.P. Why to Write This? (A Roman Pope's Letter to a Turkish Sultan). Working paper WP6/2006/07. Moscow: State University — Higher School of Economics, 2006. — 28 p. (in Russian).

In 1461, Roman pope Pius II (1458–1464) wrote a letter to the Turkish sultan Mehmed II (1451–1481). In this letter Pius urged Mehmed to become a Christian, following the example of Constantine the Great. The letter received different interpretations from historians. Most of them considered it as an example of political naiveté on the part of Pius. The essay argues that the letter can be interpreted in a different way, namely as an example of Renaissance self-fashioning. In this perspective it should be read not as a political document, but as an Italian humanist's epistola. Such a reading implies that it was primarily aimed to demonstrate to posterity certain personal characteristics of its author, above all his eloquence. The essay also touches two more general questions. Whether the differences between modern European and so-called "native" mentalities, an idea recently highlighted by cultural anthropologists, can also be applied to the study of European Renaissance? Are historians able to reconstruct convincingly human intentionality?

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте:
<http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx>.

© Зарецкий Ю.П., 2006
© Оформление. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006

Содержание

1. Текст и его автор	4
2. Интерпретации	8
3. Реинтерпретация	12
Неудовлетворенности существующими интерпретациями	12
Интенциональность и два способа понимания людей прошлого	14
Построение контекста	17
Истолкование	19

А так как человек рожден матерью, а не выведен в пробирке, то опыт существования других людей и значение их действий, конечно же, являются первым и наиболее изначальным эмпирическим наблюдением.

Альфред Шюц

Прошлое — чужая страна: они там все делают по-другому.

Лесли Поулс Хартли

Понимать — это значит объяснять поступки, исходя из того, что известно о ценностях другого... или же «понимать» — это *выяснять* цели другого путем ретродикиции или реконструкции.

Поль Вен

Эта работа — опыт реконструкции мотивов, которыми руководствовался один европеец XV в., создавая сочинение, форма, содержание и обстоятельства появления которого кажутся нам сегодня странно противоречивыми¹.

Предлагаемая реконструкция основывается на тезисе антропологов о необходимости «признания многообразия способов конструирования людьми собственных жизней в ходе управления ими»². В первой ее части представляется текст сочинения и его автор; во второй приводятся объяснения причин появления этого сочинения, имеющиеся в историографии; наконец, в третьей предлагается реинтерпретация, исходящая из возможности иной, по сравнению с привычной нам, мотивации поступков «исторических персонажей».

1. Текст и его автор

Документ, о котором идет речь, был хорошо известен в ренессансной Европе. На сегодняшний день сохранилось по меньшей мере сорок его рукописных копий и несколько печатных изданий XV в.³

¹ Работа написана при поддержке исследовательского гранта Institute for Advanced Studies, Collegium Budapest.

² Geertz C. Local Knowledge. N.Y., 1983. P. 16.

³ См. о них подробно в новых немецкой и итальянской публикациях документа: Pius II. Epistola ad Mahumetem: Einleitung, kritische Edition, Übersetzung / Reinhold F. Gleis und Markus Köhler; unter Mitw. von Beate Kobusch. Trier, 2001. S. 98–111; D'Ascia L. Il Corano e la tiara: L'epistola a Maometto II di Enea Silvio Piccolomini (Papa Pio II) / Intr. ed ed. di Luca D'Ascia; pref. di Adriano Prosperi. Bologna, 2001. P. 144.

Авторство его и время появления не вызывают серьезных разночтений: он создан римским папой Пием II между октябрём и декабрем 1461 г.⁴ Это довольно пространный текст (около ста страниц стандартного книжного формата), написанный на образцовой гуманистической латыни. Главное его содержание составляет обращение папы к турецкому султану Мехмеду II с призывом принять христианство и в результате стать самым могущественным правителем Запада.

Начинается текст с почтительного обращения Пия к адресату, облаченного в характерные для античной эпистолы риторические формулы:

*Пий, епископ, раб рабов Божьих прославленному Мехмеду государю турок со страхом к Божьему имени и любовью*⁵.

Поскольку мы намереваемся сказать тебе нечто ради твоего спасения, славы и ради взаимного покоя и мира многих народов, выслушай благожелательно наши слова, не проклиная до тех пор, пока не рассудишь, и не судя до тех пор, пока не постигнешь смысл каждого. Прими то, что мы пишем, с добрым расположением духа и выслушай терпеливо до конца. (1)

Затем излагается главная идея обращения папы к султану — призыв к принятию христианства — и подробно, с множеством риторических красот, разъясняются блага, которые ожидают человечество в случае согласия Мехмеда:

О, сколь обильными могут стать плоды мира, сколь великим ликование христиан, сколь великой радость на всей земле! Снова наступят времена Августа, которые поэты зовут золотым веком. Будут жить вместе леопард с ягнёнком и теленок со львом; мечи будут перекованы в серпы, все железо снова пойдет на лемехи и мотыги; будут обрабатываться поля, земля, покрытая сорняками, будет взрыхлена, будут восстановлены поселения и города; святые храмы Божьи, пришедшие в упадок, возродятся; поднимутся разрушенные монастыри и, заполненные монахами, все окрест огласят божественными хвалами. (12)

Чтобы убедить своего адресата, автор использует определенный набор аргументов. Среди них — исторические примеры, особенно подробно — случай принятия христианства императором Константином:

Мы не склоняем к чему-то новому или необычному: путь, который мы указываем, проторен; многие и великие правители на него вступали. (22) *Сам Константин, император и самодержец, открыл дорогу, на которую ты и тебе подобные могли бы безотлагательно ступить.* (23)

Он, в частности, увещевает Мехмеда, привлекая его внимание к величайшим земным благам, полученным Константином в результате обращения, и в заключение добавляет:

⁴ Лука Д'Ашиа считает, что письмо редактировалось и позднее, в начале 1462 г.: D'Ascia L. II Corano e la tiara. P. 100.

⁵ Здесь и далее цитаты приводятся по указанному выше трирскому изданию 2001 г. (S. 130–326) в соответствии с принятой в нем разбивкой на параграфы.

Чего же более в этом мире ему было желать? (25)

Мы уверены, что то же самое, несомненно, ожидает тебя, если ты вместе с нами будешь по своему благоразумию почитать Христа и подражать Константину Великому; как римляне стали христианами с их императором, так и турки примут крещение вместе с тобой... (26)

Однако, безусловно, центральным аргументом в пользу обращения султана, наиболее подробно и отчетливо обоснованным в тексте, является тезис о превосходстве христианства над исламом. Разъяснению его Пий посвящает несколько десятков страниц. Не имея возможности вдаваться в детали аргументации папы, приведу лишь зачин этого своеобразного полемического мини-трактата:

Выслушай же правду о вере. ...Мы расскажем тебе очень кратко о сокровенном смысле нашего вероисповедания, начиная от сотворения мира до смерти нашего Спасителя Христа; затем мы скажем немного о твоей религии и сравним одну с другой... (38)

Примечательно, что разъяснения Пия относительно превосходства христианства над мусульманством нередко содержат высказывания совершенно очевидно оскорбительные и недопустимые не только для диалога с мусульманином, но и вообще с любым другим человеком:

...Твои родители обманывали тебя и сами себя из-за своей невежественности. (44)

Твоя религия обещает реки молока, меда и вина в загробном мире, так же, как и изысканную пищу, обилие жен и наложниц, связи с девственницами... и всего, чего жаждет плоть. Это скорее рай для быка и осла, а не для человека! (85)

Если бы нам потребовалось перечислить все ошибки твоей веры, ни у нас не хватило бы времени их описать, ни у тебя прочитать. И ты сам хорошо понимаешь, поскольку ты умен, что многие из этих вещей настолько глупы, что нет никакой возможности их защищать. (101)

Но твой пророк не просто лжет, но лжет легкомысленно, невежественно, безрассудно, глупо и сам себе часто противоречит, когда это делает, что ясно увидит любой, кто изучит его закон. Бесчисленны его нелепицы, бабьи рассказы и детский лепет... (134)

Это [откровение Мохаммеда] было изобретением дьявола! (127)

Следует добавить, что речь Пия постоянно прерывается призывами к султану, в которых автор, явно шеголяя своим красноречием, на разные лады говорит о великих земных благах, ожидающих Мехмеда в случае обращения:

Малая вещь может сделать тебя величайшим, самым могущественным и знаменитым из ныне живущих людей. Ты спрашиваешь, какая именно? О ней нетрудно догадаться и ее не нужно далеко искать; ибо она везде, где есть люди: это немыслимо много воды, которой ты можешь быть крещен и приобщен к христианским обрядам и вере в Евангелие. Если ты сделаешь это, в мире не будет правителя,

который превзошел бы тебя славой или сравнялся с тобой в могуществе. Мы назовем тебя повелителем греков и Востока, тем, что ты сейчас удерживаешь силой и несправедливостью, ты станешь владеть по праву. (9)

Неужели ты не видишь, сколько славы может принести тебе крещальная купель, каким величественным и знаменитым тебя может сделать Христос? Кто удерживает тебя от воды? Чего ты боишься? (18)

Этими обращениями-призывами, сопровождаемыми обещаниями Мехмеду спасения и вечной славы, и заканчивается документ:

Поэтому, доблестный государь, поскольку ты не лишен способности рассуждать и не обделен умом, собери все, что мы сказали и храни это в памяти... Оставь тьму и следуй за светом! Теперь ты видишь, как хромает твоя вера, как изобилует она ошибками, как далеко отошла она от истины... (147)

Запомни же наши слова и получи надежный совет: прими крещение во Христе и омовение Святого Духа! Отдайся святому Евангелию и целиком вверься ему! Так ты извлечешь пользу для своей души и будешь способствовать благу турецкого народа, так исполнятся твои мечты, и будет прославлено твое имя на века, так вся Греция, Италия и Европа будут восхищаться тобой, так будешь ты прославлен в латинской, греческой, еврейской, арабской и всей варварской словесности... (148)

Но если ты пренебрежешь нашими советами, твоя слава исчезнет как дым, и ты, согласно человеческому уделу, превратишься в прах, умрешь весь. Да будет Христос царствовать вечно, каковому честь и слава во веки веков. Аминь. (149)

Несколько слов об авторе этого текста. До того, как стать папой в 1458 г., он звался Энеа Сильвио Пикколомини (1405—1464) и был хорошо известен не только в Италии, но и в других странах Западной и Центральной Европы как писатель, поэт и оратор, носитель новой гуманистической образованности. Он создал разнообразные по жанру сочинения в подражание древним, вошел в число наиболее активных участников схизматического Базельского собора, за свои литературные заслуги получил множество должностей и наград (как светских, так и духовных). Энеа был секретарем нескольких кардиналов, «антипапы» Феликса V, затем германского императора Фридриха III и папы Евгения IV. При дворе Фридриха он провел несколько лет и был удостоен своим повелителем лаврового венка поэта. В Германии отношение Энеа к власти римского папы претерпевает радикальные изменения. Он приходит к осуждению решений Базельского собора и в 1445 г. получает от Евгения IV не только прощение, но и почетные церковные должности. Как императорский и папский посол Энеа много путешествует по странам Европы. В 1456 г. папа Каликст III назначает его кардиналом, а меньше чем через два года после этого Энеа восходит на римский престол под именем Пия II. Его понтификат отмечен канонизацией Католики Сиенской, переносом в Рим мощей св. Андрея, двумя номинациями кардиналов, большим строительством в его родном городке Корсиньяно и переименованием его в Пиенцу, но больше все-

го — страстными призывами к единению христианских государей и организации крестового похода против турок. Летом 1464 г. Пий, несмотря на тяжелую болезнь, прибыл в Анкону для того, чтобы возглавить небольшой отряд крестоносцев, готовый отправиться к берегам Малой Азии. Однако он скончался, так и не успев взойти на палубу судна.

2. Интерпретации

Обращение Пия к Мехмеду не осталось обойденным вниманием исследователей — как филологов, так и историков. В XX в., после его первой научной публикации Дж. Тоффанином в 1959 г.⁶, оно переиздавалось несколько раз и было переведено на итальянский, английский и — совсем недавно — немецкий и французский языки⁷. В этих новейших изданиях (так же, как и в первых, XV—XVII вв., включая рукописные) сочинение обычно обозначается как «письмо» или «послание» (Pii Secundi *epistola ad Mahumetem*)⁸. Содержание сочинения начинает получать различные истолкования ученых примерно с середины XIX в. Я остановлюсь на тех из них, которые так или иначе рассматривают «Послание» с точки зрения его интенциональности, т.е. отвечают на вопрос «зачем писать это?».

Большинство этих истолкований имеет одну общую черту, отмеченную еще в 1965 г. авторитетным знатоком документа Франко Гаэта. «Традиция его интерпретации, — отмечал итальянский историк, — достаточно длительна, и она всегда рассматривала “Послание” как головоломку или странность»⁹. Обратимся к наиболее характерным из этих интерпретаций, условно разделив их на три группы¹⁰.

1. К первой относятся истолкования, рассматривающие «Послание» как политический документ. В них поступок папы чаще всего объясняется двумя его индивидуальными чертами: наивностью и романтизмом. Письмо вы-

⁶ Pius II. *Epistola ad Mahumetem* / A cura di G. Toffanin. Napoli, 1953.

⁷ См. кроме указанных выше в прим. 2: Pie II. *Lettre — Mahomet II* / Trad. e Préf. par A. Duprat. Paris, 2002, а также в прим. 34.

⁸ В подавляющем большинстве рукописей либо в *incipit*, либо в *explicit* сочинение также обозначается именно как письмо (*epistola*), причем письмо, имеющее вполне определенный адресата: Мехмеда II (*ad imperatorem turcorum, ad illustrem Mahumethem principem turcorum*, и т.п.). Только в одной из рукописей в *incipit* оно называется «речью», обращенной к Мехмеду (Pij pape Secundi oratio ad illustrissimum Mahumetem turcorum principem — Be1) — Pius II. *Epistola ad Mahumetem: Einleitung, kritische Edition, Übersetzung*. S. 98—111.

⁹ Gaeta F. Sulla 'Lettera a Maometto' di Pio II // *Bulletino dell'Istituto storico italiano per il medio evo e Archivio Muratoriano* 77 (1965): 177—178.

¹⁰ Условность такого деления совершенно очевидна, поскольку исследователи, объясняя поступок Пия, часто называют не один, а несколько разных, порой противоречивых, мотивов — об этом речь пойдет дальше.

ступает как «одна из гениальных фантазий главы христиан» (Грегоровий)¹¹, «странная мысль Пия» (Георг Фойгт)¹², «наполовину языческая, наполовину христианская утопия» (Сесилия Эди)¹³, «великая мечта Энеа Сильвио» (Гаэта)¹⁴ и т.п. Некоторые историки, впрочем, не замечают ничего особенного в обращении папы к султану. По мнению Людвиг фон Пастора, это была «смелая мысль», вдохновленная убеждением, что Коран не сможет одержать верх над христианской культурой¹⁵.

В новейшее время в историографии уделяется меньше внимания рассмотрению политической мотивации послания, однако возможность ее все же в той или иной мере допускается. Эуженио Гарэн, создавший одухотворенный портрет папы-гуманиста, считает, что дело отнюдь не в наивности автора. По его мнению, письмо продиктовано духом политического рационализма, замешанного на безысходности: перед лицом растущей разобщенности Европы и усиливавшегося ощущения несбыточности задуманного им похода Пию ничего не оставалось, как обратиться к Мехмеду¹⁶.

2. Вторая группа интерпретаций представляет «Послание» как документ, рожденный одновременно политической и творческой (писательской) волей Пия.

Джузеппе Тоффанин, признавая, что «с исторической точки зрения» «Послание» остается для него загадкой, пытается решить ее в особо интересующем нас в данном случае личностном плане. Все дело в том, считает Тоффанин, что в душе Пия уживались две могучие силы, рациональная и иррациональная (как это часто бывает, добавляет историк, у людей мысли и действия). Пий-рационалист собирал в поход христианское войнство, а Пий-мечтатель искренне хотел добиться мира и гармонии чисто гуманистическими средствами — с помощью изящной словесности¹⁷.

Роберто Бака говорит о Пие примерно то же: «Трудности организации крестового похода потребовали его пристального внимания. Неудивительно поэтому, что он искал альтернативного способа достижения своей цели. Он полагал, что литература, так хорошо послужившая ему в прошлом как средство

¹¹ Gregorovius F. *Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Vom 5. bis zum 16. Jahrhundert*. Bd. 3 (Цит. по: Gaeta F. *Sulla 'Lettera a Maometto' di Pio II*. P. 178).

¹² "Wunderlicher Gedanke" — Voigt G. *Enea Silvio Piccolomini als Papst Pius II. und sein Zeitalter*. Bd. 3 (Цит. по: Gaeta F. *Sulla 'Lettera a Maometto' di Pio II*. P. 179).

¹³ Ady C.M. *Pius II (Aeneas Silvio Piccolomini) the Humanist Pope*. L., 1913 (Цит. по: Gaeta F. *Sulla 'Lettera a Maometto' di Pio II*. P. 180).

¹⁴ Gaeta F. *Sulla 'Lettera a Maometto' di Pio II*. P.191. Следует отметить, что Гаэта дает неоднозначную интерпретацию казуса, предпринимая попытку историоризировать поступок Пия (P. 190–192).

¹⁵ Pastor L. *Geschichte der Papste seit dem Ausgang des Mittelalters*. Freiburg, 1894. Bd. 2. (Цит. по: Gaeta F. *Sulla 'Lettera a Maometto' di Pio II*. P. 179).

¹⁶ Garin E. *Ritratti di umanisti*. Firenze, 1967. P. 34.

¹⁷ Toffanin G. *Introduzione // Pius II. Epistola ad Mahumetem*. P. X, XI, XVIII.

распространения его идей, давала ему такую альтернативу». Этой альтернативой и явилось письмо, адресованное самому Мехмеду II, где он попытался убедить завоевателя Константинополя «в преимуществах мирного разрешения противоречий, разделивших Восток и Запад»¹⁸.

Вильям Баултинг считает, что Пий, обращаясь к Мехмеду, видел себя инструментом Божественного Провидения, но одновременно был убежден в силе разума и логических доводов настолько, что считал возможным с их помощью обратиться к султану. Эта убежденность и позволила ему создать документ, совершенный с точки зрения аргументированности и композиционной стройности¹⁹.

Несколько иначе расставляются акценты мотивации папы в биографическом исследовании Розамонд Митчелл, утверждающей, что Пий был настолько ослеплен безграничной верой в гуманистические ценности, что ожидал немедленного обращения Мехмеда в христианство. Папа, пишет она, не был абсолютно несведущ в целях и идеалах своего противника, однако он готов был приписать ему «способ мысли» (*habit of mind*) итальянского гуманиста. Впрочем, было бы неверно считать, заключает Митчелл, что Пий зря потратил время на написание «Послания»: оно, несомненно, дало христианским государям повод для размышлений и живой дискуссии, сформулировав позицию Запада в христианско-мусульманском противостоянии. Неприятие же во внимание турецкой точки зрения (*Turkish mind*), свидетельствует о том, что его автор был далек от признания пропасти, лежащей между магометанином и христианином²⁰.

Нужно заметить, что в некоторых других реконструкциях интенций Пия этого же типа (т.е. соединяющих папу-политика и папу-писателя) аргументация исследователей и ход их мысли в целом кажутся более убедительными. В частности в тех, которые развивают идею о скрытом адресате «Послания». По мнению Дж. Папарелли, оно было обращено не столько к султану, сколько к христианским правителям, и имело целью одновременно пристыдить их и вдохновить на новый крестовый поход²¹. Такая политическая интенция, считает историк, объясняет его пышную литературную форму²².

¹⁸ Baca A.R. Introduction // Pius II. *Epistola ad Mahomatem II* (Epistle to Mohammed II) / Ed. and transl. by Albert R. Baca. N.Y., 1990. P. 4.

¹⁹ Boulting W. Eneas Silvius (Enea Silvio de'Piccolomini – Pius II): orator, man of letters, and pope. L., 1908. P. 340–341.

²⁰ Mitchell R.J. The Luarels and the Tiara. Pope Pius II (1458–1464). L., 1962. P. 171–173.

²¹ Paparelli G. E.S. Piccolomini (Pio II). Bari, 1950. P. 323.

²² С литературной точки зрения, считает историк, это был шедевр, воплотивший в себе «Zeitgeist»: «Из всех писаний, которые вышли из-под пера Пия, нет ни одного, в котором дух гуманизма (понимаемый не как чисто литературные упражнения, но как определенная концепция жизни и идейная позиция) отражается и распознается лучше, чем в этом» – Paparelli G. E.S. Piccolomini (Pio II). P. 233.

3. Наконец, третью группу составляют интерпретации текста «Послания», которые не ставят прямо вопрос об индивидуальных мотивах написания его Пием, но по необходимости («странность» документа продолжает оставаться вопросом, который трудно обойти) так или иначе их обозначают. К этой группе можно отнести целую серию новейших прочтений документа, уделяющих первоочередное внимание его интертекстуальности, связи его содержания с христианско-мусульманским диалогом середины XV в. В них подробно и тщательно анализируются источники, которыми пользовался папа, в частности, трактаты его друга Николая Кузанского (*De pace fidei* и особенно посвященный Пию *Cribratio Alchorani*), а также *Contra principales errores perfidi Machometi* Хуана Торквемады²³.

Письмо папы к султану в них обычно предстает как один из эпизодов сложных отношений между христианским и мусульманским мирами в ренессансный период. Эпизод, который свидетельствует, что противоречия между Западом и Османской империей в XV в. были не столь драматичны, как до сих пор считалось. Само появление «Послания» выступает как доказательство того, что даже после падения Константинополя христиане продолжали полемику по вопросам веры со своим главным политическим противником. А также как веский аргумент в пользу необходимости переосмысления историками места и роли ислама в культуре ренессансной Европы.

Чаще всего сочинение Пия в этих новейших работах уже не рассматривается как документ, продиктованный искренним стремлением папы обратить султана в христианство²⁴. Ему приписываются более сложные и неоднозначные мотивы. Так, Лука Д'Ашиа утверждает, что, создавая его, папа хотел просто заново огласить свою концепцию отношений между Церковью и Империей, а также пригрозить туркофильской группировке европейских политиков. Впрочем, одновременно Д'Ашиа считает, что документ следует понимать как памятник, который папа сам себе построил (при этом историк подробно не разъясняет, что он имеет в виду)²⁵.

²³ См. например: D'Ascia L. El Pontífice romano y el Emperador troyano. La carta de Pio II (Enea Silvio Piccolomini) al Sultán Mehmed II // Averroes dialogado: y otros momentos literarios y sociales de la interacción cristiano-musulmana en Espana e Italia / coordinación y edición de André Stoll. Kassel, 1998. P. 55–86.

²⁴ См.: D'Ascia L. Il Corano e la tiara. P. 102; Bisaha N. Pius II's Letter to Sultan Mehmed II: A Reexamination // *Crusades: The Journal of the Society for the Study of the Crusades and the Latin East* 1 (2002): 183–200; Idem. Pope Pius II and the Crusade // *Crusading in the Fifteenth Century. Message and Impact* / Ed. Norman Housley. L., 2004 (in print).

²⁵ D'Ascia L. El Pontífice romano y el Emperador troyano. P. 82.

3. Реинтерпретация

Неудовлетворенности существующими интерпретациями

Приведенные истолкования «Послания» как индивидуального поступка оставляют достаточно места для разного рода неудовлетворенностей и вопросов. Прежде всего потому, что сами эти истолкования содержат слишком очевидные противоречия, не снимающие ощущение «странности» эпизода с телеологической точки зрения.

Начнем с интерпретаций, исходящих из того, что «Послание» продиктовано политическими мотивами. Если предположить, что Пий действительно хотел с его помощью обратить в христианство Мехмеда, то его попытка представляется совершенно уникальной и революционной, абсолютно выпадающей из общего контекста европейской политики и дипломатии. К моменту написания письма Константинополь почти восемь лет находился в руках турок, которые на протяжении нескольких десятилетий воспринимались подавляющим большинством европейских владык как их главный и самый страшный враг. К тому же политическая программа Пия в отношении турок была вполне определенной и последовательной, не допускавшей никакого оппортунизма. Он был хорошо известен как наиболее решительный сторонник войны, и его план крестового похода не предполагал диалога с противником, не говоря уже о таком «компромиссе», как предложение султану императорской короны. Более того, вскоре после написания письма, 8 марта 1458 г. в секретной консистории папа объявил о своем окончательном решении предпринять поход против турок и самому его возглавить²⁶.

Ставит под сомнение политическую значимость «Послания» и последующая судьба созданного папой текста. Историкам не удалось найти никаких следов того, что обращение Пия было отправлено Мехмеду и вообще было известно при дворе султана²⁷. Скорее всего, о его существовании знали лишь приближенные папе лица, в их числе биографы Пия — Кампано и Платина, упоминающие о «Послании» в своих сочинениях²⁸. Что касается самого папы, то он также (по причинам, о которых можно лишь гадать) замалчивает его существование в своих автобиографических «Записках»²⁹. Основываясь на этих скрупулезно выверенных данных, современные исследователи даже

²⁶ D'Ascia L. Il Corano e la tiara. P. 100.

²⁷ Gaeta F. Sulla 'Lettera a Maometto' di Pio II. P. 191–192.

²⁸ Campanus I. Vita Pii II Pontificis Maximi // *Rerum Italicorum Scriptores*. Milano, 1734. T. 3. Pars 2; Platina, Bartolomeo. *De vitis pontificorum historia*. Venezia, 1511.

²⁹ Pius II. *Commentarii rerum memorabilium que temporibus suis contingerunt* / Ed. A. van Heck. Vaticano, 1984. См. отрывок на русском языке: Пий II. *Записки о достопамятных деяниях* / Пер. Ю.П. Зарецкого // *Средние века*. Вып. 59. М., 1997. С. 233–252.

называют текст документа «неопубликованным»³⁰. Единственное доступное нам свидетельство «отклика» — это короткое письмо некоего Морбисана в форме ответа Пию, которое считается большинством исследователей более поздней подделкой³¹. «Послание» получило широкую известность (причем скорее литературного, нежели политического свойства) только после смерти папы.

Нельзя не задаться и другими вопросами. Например, могло ли рассчитывать на успех обращение к оппоненту-магометанину, содержащее оскорбительные выпады против магометанства? Как соотносится с задачей обращения Мехмеда обилие в нем имен античных авторов, многочисленные примеры из древней истории, наконец, классическая риторическая форма и гуманистическая латынь? В общем, обнаруживаются разительные различия между заявленной в документе задачей и способами ее достижения³². Если цель документа обратить Мехмеда, то зачем помещать в нем столько риторических красот и известных только гуманистически образованному европейцу примеров? Если же это литературное сочинение и его цель — завоевать славу великого писателя, то зачем выбирать именно такую «реалистическую» форму. И неужели время, когда угроза турецкого завоевания христианского мира (или, по крайней мере, его части) пугала европейцев своей реальностью, было подходящим для того, чтобы «первому христианину» практиковать такого рода литературные упражнения? Что касается «раздвоения личности» папы, то такой психологический диагноз (как, впрочем, и любые другие) малополезен историку, пытающемуся реконструировать конкретные ситуации в силу своей универсальности и, соответственно, внеисторичности. Признание непонятного нам действия человека патологическим отклонением в его психике, даже если диагноз точно не установлен, автоматически освобождает нас от необходимости разобраться в особенностях «патологии», перелагая эту задачу на плечи специалиста из другой области.

³⁰ D'Ascia L. Il Corano e la tiara. P. 104.

³¹ Gaeta F. Sulla 'Lettera a Maometto' di Pio II. P. 130. Письмо Морбисана опубликовано: Pius II. Epistola ad Mahumetem / A cura di G. Toffanin. P. 181—182.

³² Исследователи, придерживающиеся противоположной точки зрения, выдвигают в ее поддержку свои аргументы. Они стремятся доказать, что во времена Пия многие влиятельные деятели церкви не рассматривали различия между христианством и мусульманством как непреодолимую пропасть. В качестве примеров приводится тот факт, что еще в 1431 г. на Базельском соборе Хуан де Сеговия предлагал организовать встречу (*contrafaerentia*) между христианами и мусульманами для обсуждения возможности преодоления различий в обеих религиях, призывы Кузанца к *concordia religionum* и его молитва о том, чтобы Господь даровал Мехмеду II мудрость принять Евангелие в упоминавшемся выше трактате *Cribratio Alchorani*, посвященном Пию, и др. Кроме того, ими подчеркивается, что мать Мехмеда была христианкой. Это обстоятельство, по их мнению, является дополнительным свидетельством того, что замысел папы был не совсем абсурдным.

Интенциональность и два способа понимания людей прошлого

Очевидно, полезно поразмыслить об общих причинах обозначенных трудностей истолкования этого случая. Что заставляло историков выстраивать множество замысловатых версий происшедшего и почему эти версии все же остаются малоубедительными?

Первой причиной следует назвать сам предмет рассмотрения. Человеческая интенциональность, объяснение мотивации поступков других людей — вещь сама по себе тонкая, подвижная, плохо поддающаяся однозначному определению³³. Ясно также, что понятие интенциональности не относится к числу любимых в гуманитарных и общественных науках (помимо, конечно, психологии). В истории же считается само собой разумеющимся, что создать убедительную реконструкцию мотивов действий людей, живших столетия назад, «почти» невозможно. Такая реконструкция — занятие вообще в известном смысле «ненаучное», подобающее в большей мере исторической беллетристике и романистике. Эту трудность признают и сами историки. «Отношения между сознанием и поступком, — пишет Поль Вен, — остаются самой сложной проблемой исторического синтеза, поскольку они составляют его важнейшую часть; история вращается вокруг наших целей, а они не понятны нам самим»³⁴.

Однако остается совершенно очевидным и иное: наше желание понять прошлое невозможно без попыток такого рода реконструкций. Без них это прошлое остается обедненным, урезанным, лишенным важнейшего измерения. В общем, несмотря ни на что, потребность в понимании мотивации людей продолжает быть так или иначе актуальной для наших представлений об истории. И не только истории. Трудно не согласиться с А. Шюцем, считав-

³³ См. об этом, например: Девятко И.Ф. Логические и содержательные трудности рационального объяснения действия // Социологический форум 1. 1998. № 1.

³⁴ Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. Приложение: Фуко совершает переворот в истории. М., 2003. С. 250. В другом месте историк разъясняет этот тезис:

«...Мучимый вполне естественной жадной славой, царь начал войну и был побежден, так как противник имел численное превосходство, поскольку небольшое войско, как правило, уступает крупному войску. История никогда не поднимается над этим простейшим уровнем объяснения; по сути, она остается рассказом, и то, что называют объяснением, — всего лишь средство сделать рассказ понятной интригой». Историческое объяснение «не заслуживает особых восторгов и ничем не отличается от типа объяснений, применяемых в повседневной жизни или в любом романе, где рассказывается об этой жизни; оно заключается только в ясности, которая исходит от рассказа со ссылками на источники; историк получает объяснение в самом повествовании и, как в романе, оно не является операцией, отделенной от повествования. Все, о чем рассказано, понятно постольку, поскольку об этом можно рассказать» (Там же. С. 111). См. также весь раздел IX: Сознание не является основой поступка (С. 212–253).

шим, что наблюдение за опытом существования других составляет важную часть человеческого бытия³⁵.

В этой связи обращает на себя внимание, что в историографии вопреки очевидным теоретико-методологическим трудностям складываются новые направления со специфическими исследовательскими задачами и методологией. Эти направления не в последнюю очередь имеют своей задачей как раз реконструкцию интенциональности: например, так называемая «персональная история», основным исследовательским объектом которой «являются персональные тексты, а предметом исследования — “история одной жизни” во всей ее уникальности и полноте»³⁶. «Если до последнего времени, — замечает Поль Вен, — историческая антропология оставляла за кадром проблему самоидентификации личности, личного интереса, целеполагания, индивидуального рационального выбора и инициативы, то в конечном счете ответ на вопрос, каким образом унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а, тем самым, и весь ход событий и их последствия), потребовал выхода на уровень анализа индивидуального сознания, индивидуального опыта и индивидуальной деятельности»³⁷.

Дело, по-видимому, заключается не только в сложностях, связанных с предметом рассмотрения — мотивацией поступков людей. Отмеченные трудности в истолковании случая с «Посланием» Пия имеют и эпистемологическую составляющую, обусловленную позицией исследователя по отношению к человеку прошлого. В самом общем плане можно говорить о существовании двух основных способов восприятия/понимания людей, «населявших прошлое», «из сегодня». Первый, наиболее распространенный и наиболее укорененный в историографии, исходит из того, что между «ними» и историком, о них рассказывающем, нет никаких принципиальных сущностных различий (в наиболее ригористичном виде эта позиция может быть обозначена известной формулой о «неизменности человеческой природы») ³⁸. И даже если различия между «ними» и «нами» признаются, все же по умолчанию они не считаются принципиально значимыми, в особенности когда речь идет о мотивации индивида и его поведенческих моделях. Такой подход фактически признает, что и историк, и человек (или люди), о которых он рассказывает, мыслят по

³⁵ Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 59–60.

³⁶ Репина Л.П. Вместо Предисловия // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 5. С. 7.

³⁷ Вен П. Как пишут историю. С. 219.

³⁸ О подходах к проблеме «природы человека» в гуманитарных науках новейшего времени см. содержательную статью Роджера Смита: Smith R. The history of human nature: more of the same or facing the other? // Коллаж — 5. Социально-философский и философско-антропологический альманах. 2005. С. 8–34.

одним и тем же «правилам». Иначе говоря, тот присущий европейцам Нового времени тип мышления, который Макс Вебер назвал «практической рациональностью»³⁹, противостоящей мифологическим верованиям, постепенно исчезнувшим в ходе исторического прогресса, признается универсальным и единственно верным. Наша рациональность, таким образом, «навязывается» людям прошлых эпох⁴⁰.

Второй способ понимания людей прошлого, отчетливо заявивший о себе в историографии второй половины XX в., напротив, в первую очередь предполагает наличие существенных различий между «ними» и «нами», декларируя тезис о том, что «они» другие, не похожие на «нас». Его слоганом могла быть взяты на щит некоторыми историками конца прошлого столетия слова английского романиста Л.П. Хартли: «Прошлое — чужая страна: они там все делают по-другому»⁴¹. Этот способ первыми ярко продемонстрировали историки «Анналов», разработавшие понятие «ментальность», позднее он нашел развитие в некоторых направлениях исторической антропологии⁴². Он исходит из тезиса о том, что человек, рассказывающий историю о прошлом, и люди, о которых он говорит, мыслили по-разному, причем эти различия несводимы к оппозиции рационального/иррационального. Теоретические основания такого подхода были разработаны в последние десятилетия в культурной антропологии, показавшей, что в разных культурах мы встречаем разные концепты рационального, т.е. «стандарты» *ratio* в них не совпадают. Следовательно, привычное нам новоевропейское понимание рациональности (логика отношения к миру западного человека и его «здоровый смысл») является не универсальным, а исторически специфическим, рожденным, по мнению Маршалла Салинса, просто определенным соотношением практической рациональности и эмпирического реализма («буржуазного реализма здравого смысла») ⁴³.

³⁹ Согласно Хабермасу, прокомментировавшему это понятие, «соединение инструментально-рационального и ценностно-рационального действия произвело тип действия, который соответствовал *практической рациональности как таковой*» — Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Band I: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt a. M., 1987. S. 245.

⁴⁰ Критика и переосмысление подобного подхода в антропологии стали особенно очевидными после Второй мировой войны — см., например: Winch P. Understanding a primitive society // Rationality / Ed. by B.R. Wilson. Oxford, 1964.

⁴¹ “The past is a foreign country: they do things differently there” (Hartley L.P. The Go-Between). См. влиятельную книгу английского географа Дэвида Лоуэнталя, давшую повод для оживленной дискуссии: Lowenthal D. The Past is a Foreign Country. Cambridge, 1985 (Рус. пер.: Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб., 2004).

⁴² См., например, большую серию работ А.Я. Гуревича о культуре Средневековья: от «Категорий средневековой культуры» (М., 1972) до «Индивида и социума на средневековом Западе» (М., 2005) (1-е изд.: Gurjewitsch A. Das Individuum in europäischen Mittelalter. München, 1994).

⁴³ Sahlins M. How “natives” think: about Captain Cook, for example. Chicago, 1995. P. 5—8, 9, 152—153.

Из этого вытекает, что прямолинейное применение исследователем «наших» стандартов для понимания «их», является ошибкой или даже неким «символическим насилием, производимым над другими временами и другими культурами»⁴⁴. Что же ему в таком случае делать? Попытаться «избавиться от диктата универсальной практической рациональности» в понимании другого⁴⁵. Мы не должны допускать, считает Салинс, что та «разновидность сенсорной эпистемологии и объективного реализма, которая представлена в западной науке», доминирует во всякой культуре, которую мы изучаем⁴⁶. Чтобы быть понятыми, «мысли и практики других людей должны быть помещены в их собственный контекст, т.е. должны быть осмыслены как относительные ценности в сфере их собственных культурных связей, а не присвоены понятиями, исходящими из наших моральных и интеллектуальных категорий»⁴⁷.

Если теперь вернуться к приведенным интерпретациям «Послания» Пия, то станет очевидным, что они в подавляющем большинстве своем исходят из первого допущения (т.е. что «они» принципиально не отличаются от «нас»). Эти интерпретации рассматривают и автора, и его текст как фактически принадлежащий *нашему* времени, т.е. с точки зрения *нашего* здравого смысла, *нашего* понимания законов политики, и т.п. И главная причина непреодоленной загадочности казуса, похоже, кроется именно в этом.

Построение контекста

В дальнейшем история с «Посланием» папы будет интерпретирована исходя из второго допущения. Его поступок будет рассматриваться как поступок «другого», принадлежащего отличной от нашей культуре и, соответственно, обладающего другими представлениями о том, какие поступки следует считать «правильными», «разумными», «соответствующими ситуации» и т.п. Иными словами, поиск ответа на вопрос «зачем писать это?» будет основан на вполне антропологической (в духе Маршалла Салинса) позиции, которую можно свести к формуле: «разные культуры – разные интенциональности»⁴⁸. Только

⁴⁴ Sahlins M. How “natives” think: about Captain Cook, for example. P. 14. Ср. у Поля Вена: «Нет ничего более изменчивого, чем представление о рациональности...» (Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? (Опыт о конституирующем воображении). М., 2003. С. 155).

⁴⁵ Sahlins M. How “natives” think. P. 7.

⁴⁶ Ibid. P. 158.

⁴⁷ Ibid. P. 274.

⁴⁸ Эта формула перекликается с заглавием статьи Стивена Люкса «Разные культуры, разные рациональности?», в основу которой легли материалы содержательной дискуссии американских антропологов конца 1980-х гг. (Lukes S. Different cultures, different rationalities? // History of the Human Sciences 13 (2000). № 1: 3–18). Нужно заметить, что к обозначенной Люксом позиции близок и подход “культурной психологии” Брюнера. Главный тезис, отстаиваемый ученым – “культура придает форму сознанию, она снабжает нас на-

вместо полинезийцев, марокканцев и других неевропейских народов, о которых преимущественно говорят антропологи, в качестве объекта внимания будет выбрана вполне определенная культурно обособленная группа: ученые итальянцы XIV–XVI вв., известные в историографии как «писатели-гуманисты», одним из которых и был наш автор «Послания к Мехмеду».

При подобном подходе главной задачей оказывается нахождение (или конструирование) культурного контекста, в котором случай с написанием папой письма султану станет более понятным. Таким контекстом, очевидно, могут стать существующие в современной историографии трактовки итальянской гуманистической культуры как «другой» и ее творцов – как людей, отличных от нас. Обратимся к одной из них – модели, предложенной Л.М. Баткиным в исследовании 1978 г., описывающем «стиль жизни» и «стиль мышления» итальянских гуманистов⁴⁹. «Для новоевропейского рационального и позитивного аналитического подхода, – подчеркивает эту культурную инаковость автор, – Возрождение – трудная загадка»⁵⁰. Очевидно, что здесь придется ограничиться только отдельными основными контурами этой историографической модели.

Работа Баткина полна примерами «странностей», с которыми сталкивается современный исследователь ренессансной культуры. Прежде всего, они обнаруживаются в том, *как* итальянские гуманисты подражали древним, в их *стилизации* жизни. Так, исследователь подробно рассказывает о флорентийском собирателе книг Николо Николи, который «носил подобие тоги, часами говорил на языке Цицерона» и «старался уподобить древнеримским образцам свой быт и повадки»⁵¹. По Баткину, это был не просто спектакль, разыгрывае-

бором инструментов, с помощью которых мы конструируем не только наши миры, но и представления о самих себе и наших возможностях” (Bruner J. *The Culture of Education*. Cambridge (Mass.), 1996. P. X.) – выглядит как весьма привлекательная перспектива для исторических исследований, связанных с проблемами индивида (см. об этом, в частности: Gouwens K. *Perceiving the Past: Renaissance Humanism after the “Cognitive Turn”* // *The American Historical Review* 1 (1998): P. 55–56, 77). Такая позиция в определенной степени противостоит большинству традиционных подходов, согласно которым личность формируется в первую очередь в силу экономических и социальных обстоятельств (см., например, статью Натали Земон Дэвис об индивиде в XVI в., где в качестве определяющих факторов его самоидентификации называются социальные институты: семья, род, монашеский орден, религиозная община, сословие, цех, государство и т.д. – Davis N.Z. *Boundaries and the Sense of Self in Sixteenth-Century France* // *Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality and the Self in Western Thought*. Stanford, 1986. P. 53–63).

⁴⁹ Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978. Замечу, что модель гуманистической культуры Л.М. Баткина, используемая в настоящей работе, на мой взгляд, не является единственно возможной для истолкования казуса с посланием Пия. К аналогичным результатам можно было бы, по-видимому, прийти и используя «контексты», созданные другими исследованиями гуманистической культуры, которые исходят из тезиса о ее инаковости.

⁵⁰ Там же. С. 148.

⁵¹ Там же. С. 4.

мый на потеху публике, но нечто иное, гораздо более значимое — «серьезная игра», укорененная в способе существования гуманистов. «Современное противопоставление жизненной серьезности и игры, — подчеркивает он, — для Ренессанса непригодно»⁵². Но как нам понять эту «странность»? Для этого, по мнению Баткина, нужно уяснить «структуру мысли», прочитать «жизненную обстановку» гуманиста как *текст*⁵³.

Такое прочтение приводит его к заключению, что для понимания «стиля жизни и стиля мышления» гуманистов следует отказаться от использования понятия «стилизация». Это понятие «отягощено — в привычной для нас системе оценок — оттенками отчужденности, сознательной анахроничности, иллюзорности». Стилизация «неотделима от позднеевропейской антитезы “поэзии” и “правды”, мечты и реальности». Вместо него автор предлагает использовать понятие «мифологизация» как более точно обозначающее природу исследуемого феномена, имея в виду, что «гуманисты хотели жить — в качестве *sapientes* — в мире культурных образов, который был ими выстроен с помощью старых книг»⁵⁴. В этом мире «две реальности, “земная” и “небесная”, могли пронизывать друг друга, потому что возникшая из этого пронизывающая тотальная реальность была истолкована ренессансными людьми как открытая и становящаяся»⁵⁵. Гуманисты «чувствовали себя словно бы находящимися в огромном историческом амфитеатре, где на них взирают бесчисленные нынешние и грядущие зрители... Поэтому слова и жесты нужно было рассчитывать на века. Стиль мышления переходил в стиль жизни»⁵⁶. Определяя место подобного типа мышления на оси исторического времени, Л.М. Баткин подчеркивает его переходность, обозначая ее как начало разрыва с традиционалистским мифологическим сознанием. По мнению исследователя, «речь идет о проблеме ренессансного типа мышления как процесса перерождения мифа, при котором миф выходит за собственные пределы и становится немифом»⁵⁷.

Истолкование

Попробуем теперь, имея в виду сказанное, вернуться к нашему случаю с Пием с тем, чтобы попытаться реконструировать мотивы, которыми он руководствовался, создавая свое «Послание».

Жизнь как текст. Если внимательно присмотреться к тому, что известно о жизни Энеа Пикколомини, то легко выяснится, что случай с написанием «Послания» в ней — далеко не единственный странный ее эпизод, мешающий нам

⁵² Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. С. 94, 111.

⁵³ Там же. С. 98, 99.

⁵⁴ Там же. С. 112.

⁵⁵ Там же. С. 121–122.

⁵⁶ Там же. С. 91.

⁵⁷ Там же. С. 113.

«прочесть» эту жизнь как нечто более-менее цельное, руководствуясь логикой «здравого смысла». Обнаружится и немало других эпизодов, открыто с этим «здравым смыслом» спорящих. Причем их количество в его биографии заметно возрастает после восхождения Энея на папский престол. Пожалуй, наиболее трудным для биографов папы оказывается истолкование необычайного, часто даже кажущегося историкам маниакальным, упорства нашего героя в организации антитурецкого крестового похода. Вопреки реалиям европейской политической жизни он не устал призывать к единению христианских государей и вступлению в войну с Мехмедом. Несмотря на то что созданный им для принятия соответствующих решений съезд в Мантуе (1460 г.) заканчивается провалом, Пий продолжает упорно настаивать на своей идее. Наконец летом 1464 г., будучи тяжелобольным, он отправляется (на носилках!) в Анкону, чтобы возглавить совершенно безнадежное предприятие: в месте назначения его ждало всего несколько крестоносных судов, готовых отплыть к берегам Малой Азии.

Но, пожалуй, еще более удивительным, чем это упорство, оказывается содержание обращения папы к кардиналам накануне его отъезда из Рима в Мантую. В нем Пий провозглашает свое горячее стремление сразиться с противником, но... не столько, чтобы победить, сколько, чтобы отдать свою жизнь за христиан, за свое «стадо». Он прямо указывает на свое намерение повторить жизненный подвиг Спасителя: «Мы дадим вам пример, — обращается он к кардиналам, — чтобы вы могли поступить точно так же, как поступим мы. Мы же будем подражать нашему учителю и повелителю Иисусу Христу, благочестивому и святому пастырю, который без колебаний отдал за своих овец душу. Отдадим и мы нашу жизнь за наше стадо, поскольку иначе мы никак не можем спасти христианскую веру от погрома турецкими воинами»⁵⁸.

Таким образом, папа одновременно декларировал и свою победу в военной кампании, и собственную гибель в ней! К этому нелишне добавить, что за три-четыре года до смерти Пий составил автоэпитафию, в которой описал свой конец: он идет на войну с турками и погибает в сражении от смертельной раны (что касается исхода самого сражения, то он в автоэпитафии никак не обозначается)⁵⁹.

К странностям/загадкам биографии папы историки относят и выбор Энея Пикколомини имени «Пий» при восшествии на трон св. Петра (имел он в виду,

⁵⁸ *Exemplum dabimus vobis ut quemadmodum nos ipsi facturi sumus, ita et vos faciatis. Nos autem magistrum et dominum nostrum Iesum Cristum, pium et sanctum pastorem, imitabimur qui pro suis ovibus animam ponere non dubitavit. Ponemus et nos vitam nostram pro grege nostro, quando aliter christiani religioni, ne Turcorum viribus conculcetur, subvenire non possumus. Armabimus classem quantam pro facultatibus Ecclesie instuere poterimus. Ascendemus navem, quamvis senes morbisque conquassati. Dabimus vela ventis atque in Greciam et Asiam navigabimus* (Pius II. Commentarii rerum memorabilium / Ed. A. van Heck. Vaticano, 1984. XII, 31).

⁵⁹ См.: Bernetti G. Saggi e studi sugli scritti di Enea Silvio Piccolomini, papa Pio II (1405–1464). Firenze, 1971. P. 43.

делая этот выбор, своего предшественника Пия I или Вергилиевого Энея?), и содержание его «Буллы отречений», в которой он призывает всех «отречься от Энея, принять Пия», и целый ряд других эпизодов⁶⁰.

Текст как жизнь. В истолковании этих (как, впрочем, и других) «странных» эпизодов биографии Энея/Пия (или, выражаясь точнее, в реконструкции его намерений?) может оказаться полезным анализ одного важного документа: описания папой своей жизни в автобиографических «Записках о достопамятных деяниях». Превращение событий собственной жизни в текст, в связанный рассказ, придает ей цельность, определенную логику и наделяет новыми смыслами. В чем, однако, эта цельность и логика состоит? Какие нарративные модели и стратегии использует автор, рассказывая о своем жизненном пути?

В рассказе папы о себе отчетливо прослеживаются четыре таких модели: Вергилиевого Энея, Юлия Цезаря, святого мученика и великого оратора и поэта. Причем в описании одного биографического эпизода доминирует одна модель, другого — другая и т.д. Пий строит рассказ о себе как о «новом Энее», прямом наследнике легендарного героя, на новом витке истории повторяющем его жизнь (он подчеркивает, что не случайно носит имя Эней Сильвий, после долгих скитаний воцаряется в Риме и т.п.). Одновременно он создает в «Записках» (вовсе не случайно носящих то же название, что и сочинение великого римского полководца — *Commentarii*) и автобиографический образ «нового Цезаря». Кроме этого, конструируя рассказ о себе в тексте сочинения, Пий следует еще жизненному идеалу святого мученика, подражающего Христу, а также античного оратора и поэта («нового Цицерона» и «нового Вергилия»)⁶¹.

Выявив наличие этих биографических моделей и обозначив их как проявление авторского намерения сделать героя «Записок» подобием величайших героев античной и христианской традиций, попробуем с учетом этого нового знания взглянуть на историю жизни Пикколomini-Пия по-новому. Помня о том, как он «моделировал» собственную жизнь в автобиографии, можно предположить, что и в своей повседневной деятельности Пий занимался тем же самым. То есть руководствовался не только политической прагматикой достижения вершин власти и другими задачами, продиктованными «практической рациональностью», но также стремился своими делами оставить о себе память совершенно определенного рода, которая позволила бы потомкам говорить о нем как о прославленном герое его времени, аккумулирующем в себе черты величайших людей прошлого.

Возвращаясь к «Посланию» папы и отвечая на главный вопрос, поднятый в этой работе — «зачем писать это?», — можно заключить, что «Послание» было составлено Пием не для того, чтобы достичь какой-либо политической цели,

⁶⁰ См. об этом подробнее: Зарецкий Ю.П. Ренессансная автобиография и самосознание личности: Энея Сильвио Пикколomini (Пий II). Нижний Новгород, 2000. С. 88–99.

⁶¹ Там же. С. 65–83.

а для того, чтобы навеки остаться в памяти потомков величайшим писателем своего времени, «новым Цицероном». Турецкие завоевания, Мехмед II и политика вообще в данном случае были не больше, чем удобным предлогом для его написания. Став главой христианского мира, Энеа Пикколомини не перестал быть частью того особого мира гуманистов и той особой культуры, к которой принадлежал ранее. И само «Послание» по своему жанру и функции вовсе не являлось неким подобием современного письма одного государственного деятеля другому. Это была гуманистическая эпистола, т.е. сочинение особого рода, предполагавшее, что его коммуникативная функция и даже его адресат не важны. Главное в таком сочинении — совершенство стиля, близость цicerонианским и овидианским моделям.

Чтобы разъяснить этот тезис, снова обращусь к тому месту цитированной выше работы Л.М. Баткина, где говорится о гуманистической эпистоле как жанре и как части мифологизированной культуры итальянских гуманистов.

«Может быть, ни один другой вид источников, — пишет историк, — так выразительно не показывает искусственность, выстроенность, придуманность, стилизованность жизни и общения гуманистов, как их эпистолы. ...Корреспонденты рядились “в тоги латинистов” и пользовались письмами не для обмена злободневной и личной информацией, а для общих рассуждений и упражнений в элоквенции по цicerоновскому образцу. ...Это были, собственно, не письма, как мы их понимаем, а сочинения особого литературного жанра». И дальше, ссылаясь на авторитет Леонардо Ольшки, подчеркивает, что «со времен Петрарки письма с самого начала предназначались для опубликования, интерес к ним существовал “не личный, а чисто стилистический”»⁶².

Для такого рода утверждений существует достаточно оснований: «авторы, накопив изрядное количество эпистол, составляли из них сборники, распределяли в обдуманном порядке и включали в прижизненные издания своих сочинений. Замечательный пример первым подал Петрарка. Он перерабатывал и редактировал свои “Письма к близким” задним числом. Первые две книги петрарковского “Эпистолярия”, датированные 1330–1340 гг., были на самом деле написаны заново преимущественно около 1351–1353 гг. и пополнялись или исправлялись до 1366 г. ...Эти письма были адресованы подчас людям, жившим более тысячелетия тому назад, — Цицерону, Сенеке, Титу Ливию, а одно письмо обращено к потомкам...»⁶³.

Л.М. Баткин приводит и еще одно важное наблюдение. «...Знаменательно, — отмечает он, — что... послания, обращенные к античным классикам, тщательно интонировались и оформлялись как “настоящие” письма, имея, помимо даты, еще и обозначение места написания, всегда избиравшегося со значением, по ассоциации с адресатом. ...Грань между повседневностью су-

⁶² Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. С. 101–102.

⁶³ Там же. С. 103.

шествования воклюзского отшельника и идеализированностью его умственных увлечений, таким образом, сознательно размывалась и делалась плохо различимой»⁶⁴.

В качестве иллюстрации этой *ludum serium* приведу начало письма Петрарки, адресованного, — ни много, ни мало, — Гомеру (Fam. XXIV, 12):

«Франциск шлет привет Гомеру, повелителю греческой поэзии. Задолго до того, как твое письмо достигло меня, я имел намерение написать тебе, и я бы несомненно сделал это, если б не отсутствие единого языка...»⁶⁵.

Остается добавить, что комментаторы этого письма, не признающие за Петраркой возможности быть «другим» и руководствоваться в своих поступках иными мотивами, не продиктованными «здравым смыслом» и «практической рациональностью», продолжают упорствовать в своем нежелании допустить, что «первый поэт современности» обращался именно к Гомеру, а не к кому-либо еще. В комментариях к одному из изданий писем поэта 1985 г. указывается, что письмо это было обращено к «неизвестному корреспонденту» Петрарки и являлось «ответом на длинное и очень обстоятельное послание, адресованное ему от имени поэта Гомера из царства мертвых»⁶⁶. Комментатор, впрочем, вынужден добавить, что идентификация этого корреспондента для историков до сих пор остается неразрешимой загадкой.

⁶⁴ Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. С. 104.

⁶⁵ Franciscus Homero graie muse principi salutem. Dudum te scripto alloqui mens fuerat, et fecissem nisi quia linguae commercium non erat... (Petrarca, Francesco. *Le familiari* / per cura di Vittorio Rossi e Umberto Bosco. Vol. IV. Firenze, 1942. P. 253–263).

⁶⁶ Petrarca F. *Letters on Familiar Matters, Rerum familiarium libri XVII–XXIV* / Transl. by Aldo S. Bernardo. Baltimore, 1985. P. 342.

Препринты ИГИТИ ГУ ВШЭ

Серия WP6 «Гуманитарные исследования ИГИТИ»

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Функции истории. Препринт WP6/2003/01. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

2. Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа. Препринт WP6/2003/02. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

3. Руткевич А.М. Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. Препринт WP6/2003/03. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

4. Андреев М.Л. Второе рождение нормативной поэтики. Препринт WP6/2003/04. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

5. Самутина Н.В. Современное европейское кино и идея культуры («прошлого»). Препринт WP6/2003/05. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

6. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и интуиция: наследие романтиков. Препринт WP6/2003/06. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

7. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

8. Никс Н.Н. «Велик и благороден труд профессора» (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX – начала XX вв.). Препринт WP6/2004/01. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

9. Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. Препринт WP6/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

10. Андреев М.Л. Формы прошлого в классической европейской литературе. Препринт WP6/2004/03. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

11. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем. Препринт WP6/2004/04. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

12. Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/2004/05. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

13. Руткевич А.М. Психоанализ и доктрина «исторической памяти». Препринт WP6/2004/06. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

14. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. Препринт WP6/2004/07. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

15. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. Препринт WP6/2005/01. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
16. Капелюшников Р.И. Деконструируя Поланьи (заметки на полях «Великой трансформации»). Препринт WP6/2005/02. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
17. Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века. Препринт WP6/2005/03. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
18. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и социальные науки. Препринт WP6/2005/04. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
19. Зарецкий Ю.П. История европейского индивида: от Мишле и Буркхардта до Фуко и Гринблатта. Препринт WP6/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
20. Фрумкина Р.М. Культурно-историческая психология Выготского – Лурья. Препринт WP6/2006/01. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
21. Полетаев А.В. Валовой внутренний продукт Российской Федерации в сопоставлении с Соединенными Штатами, 1960–2004 гг. Препринт WP6/2006/02. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
22. Руткевич А.М. Прошлое историка. Препринт WP6/2006/03. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
23. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знают ли американцы историю? Часть 1. Препринт WP6/2006/04. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
24. Вахштайн В.С. «Неудобная классика» социологии XX века: творческое наследие Ирвинга Гофмана. Препринт WP6/2006/05. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
25. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знают ли американцы историю? Часть 2. Препринт WP6/2006/06. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

Препринт WP6/2006/07
Серия WP6
Гуманитарные исследования ИГИТИ

Ю.П. Зарецкий

Зачем писать это?
(Послание римского папы турецкому султану)

Зав. редакцией *А.В. Заиченко*
Технический редактор *О.А. Быстрова*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,9. Усл. печ. л. 1,4.
Заказ № . Изд. № 648

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3

Для заметок

Для заметок
